

С. В. Кулинок

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРБОВКИ АГЕНТУРЫ
НЕМЕЦКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ В БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы оккупации немецкие спецслужбы развернули на территории БССР массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры как из гражданского населения, так и из числа военнопленных.

Одним из малоисследованных вопросов деятельности немецких секретных органов на оккупированной территории Беларуси является привлечение к шпионско-диверсионной работе различных национальных групп населения.

Первые национальные подразделения в системе абвера (немецкая военная разведка и контрразведка) появились еще до начала вторжения немцев в Советский Союз. Для действий против СССР из украинцев, обучавшихся в спецлагерях на территории Германии, был сформирован отряд «Соловей» («Нахтигаль»). В 1941 г. отделом «Абвера-2» Управления «Абвер-заграница» было сформировано специальное воинское подразделение – батальон «Бергман» (горец), предназначенное для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1 500 человек и был укомплектован лицами грузинской национальности, карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами, азербайджанцами и армянами [37, с. 27, 277–278].

При характеристике «национального фактора» вербовочной деятельности немецких спецслужб нам представляется важным отметить несколько аспектов. Во-первых, провести разделение на «активных» пособников (меньшинство) и тех, для кого сотрудничество с немецкими разведорганами было единственным способом выжить в условиях оккупации и войны (большинство).

Во-вторых, агентура из числа белорусов, поляков, евреев и фольксдойче активно вербовалась, в первую очередь, из местного гражданского населения, т. к. представители этих национальностей проживали на территории БССР в большом количестве. А вот агентура из представителей других национальностей и народностей (русских, украинцев, жителей Кавказа, Средней Азии и др.) вербовалась в основном из среды военнопленных многонациональной Красной армии, которые в большом количестве размещались в лагерях на территории Беларуси.

В-третьих, при анализе национального состава выпускаемой агентуры возникают определенные сложности. Это связано с тем, что во многих архивных документах не уточняется, какое количество агентов различных национальностей выпускается учебным центром. Например, в Минскую шпионскую школу службы безопасности и полиции СД «набираются лица разных национальностей» [20, л. 282; 22, л. 42], а в секретной школе в Слуцке среди 200 курсантов были «белорусы, русские, поляки, жители Слуцкого района и г. Слуцка. Возраст от 17 до 20 лет» [21, л. 12–13]. К сожалению, не представляется возможным определить, какое точное количество агентов польской, белорусской или русской национальности было в каждом конкретном выпуске. Это касается и половозрастных характеристик. Поэтому количественные данные, за редким исключением, будут носить условный и приблизительный характер с учетом анализа всего массива выявленных архивных документов и определенных тенденций.

Характеризуя национальную составляющую стационарного обучения, выделим три основные разновидности набора агентуры. Первый – учебный курс с преобладанием местного (белорусского) населения. Как правило,

такие наборы характерны для небольших школ и вечерних курсов в районных городах и сельских местностях. Это самая распространенная разновидность набора. Например, разоблаченный немецкий агент Константин К., прошедший обучение в спецшколе в Полоцке, рассказал, что перед слушателями ставились широкие задачи по разведке и разложению партизанских отрядов: подбор и вербовка агентуры из числа партизан, имеющих дисциплинарное взыскание, морально разложившихся, имевших судимость, исключенных из рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, распространение всякого рода провокационных слухов, сбор разведывательных данных, похищение документов секретного характера, диверсии на партизанских базах, отравление пищи и заражение бактериями скота. Вместе с Константином К. обучалось еще 50 агентов – все белорусы, большинство набрано из городов и деревень Витебской области [5, л. 275–281]. В начале января 1944 г. набор в шпионскую школу в Барановичах производился из жителей окрестных деревней [9, л. 82]. В марте 1944 г. в деревне Белый Переезд (современный Петриковский район) была открыта «школа гестапо которая готовит шпионов, разведчиков, диверсантов. Первый набор проведен из населения, прятавшегося от немцев в лесах и забранного ими из деревень: Большие и Малые Городятичи, Замостье, Забинья и Белый Переезд» [22, л. 86], то есть из местных жителей. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении Куренецкой школы, куда было набрано для обучения 180 человек местного белорусского населения [11, л. 31 об.].

Второй разновидностью набора является «интернациональный», когда на курсе обучаются и выпускаются агенты разных национальностей. Такая подготовка характерна для крупных школ (Бобруйская, Борисовская, Минская), или для учебных центров, которые вербовали агентов в лагерях военнопленных (Борисовская, Гомельская, Минская, Могилевская). Так, один из выпусков спецшколы в Борисове включал в себя 42 агента, из них: 12 украинцев, 11 русских, 3 немца-фольксдойче, 4 белоруса, по 2 латыша и поляка, 1 чуваш и житель Кавказа. Национальность 6 агентов не установлена [22, л. 208–208об.; 34, л. 261–262]. Из 25 агентов Лошницкой разведшколы, выпущенных в 1944 г., было 7 белорусов, по 2 украинца и узбека, по одному русскому и поляку (национальности остальных не установлены) [35, л. 298–301]. В мае 1944 г. из разведшколы в деревне Пигановичи в тыл Советского Союза было направлено 2 группы агентов (6 и 4 человека) следующих национальностей: 5 русских, 3 украинца, один армянин и мордвин [10, л. 37–38об.].

Набор третьего вида характеризуется доминированием курсантов небелорусской национальности (русские, украинцы и др.). Это наименее распространенный метод отбора и подготовки агентуры, который, тем не менее, использовался в разведывательных учебных центрах на территории БССР. Например, в Березинской разведшколе из набора в 23 курсанта русских агентов было 16, 2 – жители Кавказа, 1 – украинец [17, л. 49–51; 35, л. 222–225]. Из 28 шпионов, выпущенных Бобруйской спецшколой в апреле 1943 г., 20 агентов были украинцами, 7 – русскими и 1 – белорус [8, л. 27].

Для белорусского населения, особенно в сельских местностях, были организованы краткосрочные вечерние разведывательные курсы. Укажем, что белорусы проходили обучение практически во всех школах на оккупированной территории БССР. Установить точную цифру пока не представляется возможным. По оценкам автора, белорусы составляли около 65–70 % от общего количества подготовленных агентов.

Второй по количеству была русская агентура. Такой значительный объем подготовленных русских агентов объясняется следующими факторами: большим количеством населения, проживающего на территории БССР; деятельностью на территории Беларуси «Русской национальной народной армии» (центры формирования в Орше и м. Осинторф Витебской области) [27, л. 59–61] и «Русской освободительной армии» [1, с. 135–136] (из этих военных структур активно вербовалась шпионская и разведывательная агентура – *К. С.*); наличием большого количества русских военнопленных красноармейцев, которые составляли национальное большинство в РККА [18, л. 122]; вынужденной «миграцией» русского населения (коллаборантов, членов их семей и пособников) на территорию Беларуси вместе с отступающими частями немецкой армии.

Особый отдел соединения партизанских отрядов по Минской области в июне 1943 г. в одном из отчетов отмечал, что «для засылки шпионов вербуют людей, насильно эвакуированных из Смоленской, Витебской, Орловских и др. областей» [24, л. 30об.–31]. В конце ноября 1943 г. из Минска выпущена «группа 100 человек женщин, бывших беженок из Орловской области с целью шпионажа, под видом поиска своих семей. Задача таковых – вступление в партизанский отряд с целью шпионажа» [17, л. 42]. Кроме того, под натиском частей Красной Армии на территорию БССР передислоцировались и разведывательно-диверсионные школы из Смоленка, Брянска, Рославля, Орла и других населенных пунктов РСФСР [8, л. 24].

Русская агентура готовилась в школах в Барановичах, Березино, Бобруйске, Борисове, Бресте, Витебске, Глубоком, Гомеле, Лошнице, Лунинце, Минске, Могилёве, Орше, Осинторфе, Пигановичи, Слуцке, Стахово.

Агентура украинской национальности также активно вербовалась и использовалась на территории Беларуси. В одном из документов абвера, датированного 18.02.1942 г., указывалось: «при вербовке в первую очередь использовать лиц, владеющих русским языком, из кругов... украинских активистов, раскулаченных или ранее арестованных большевиками за политические преступления» [36, с. 33]. С осени 1942 г. в Вилейке стала действовать полицейская школа, в которой обучалось значительное количество украинцев. Ежемесячно выпускалось до 200 курсантов [28, л. 169–170 об.]. В январе 1943 г. в партизанской бригаде «Дяди Васи» был разоблачен агент гестапо под кличкой «Радиус» – Василий М., 1904 г. р., украинец по национальности, направленный с разведывательным заданием [6, л. 13–17]. В штате абвегруппы-105, действовавшей в 1944 г. на территории Полесья, были 4 украинца, причем они вели свою работу, начиная с 1941 г. [13, л. 173].

В начале 1944 г. партизанами были получены данные о том, что на территории Гродненской области действуют две группы немецких разведчиков. Во главе первой стоял украинец Павел Д. (4 человека), а начальником второй был также украинец Николай Г. (8 человек). Агенты должны были собирать сведения о дислокации и вооружении партизанских отрядов [9, л. 105об.–106].

Кроме непосредственной подготовки агентов в школах и на курсах, украинская агентура активно вербовалась среди многочисленных «национальных» полицейских формирований [3, с. 95–101]. Осенью 1943 г. немецкими разведывательными органами из Минска в партизанские зоны была заброшена группа шпионов и солдат (7 человек) из одного украинского полицейского батальона с задачами шпионского характера [29, л. 9].

Немецкие агенты польской национальности начали активно засылаться на территорию Беларуси еще до начала Восточной кампании вермахта. Только за период с 1 августа по 1 октября 1940 г. органами госбезопасности БССР было разоблачено 33 агента, большинство из которых были поляками [4, л. 3–6]. Также можно выделить определенную закономерность по вербовке и использованию агентов этой национальности: основные центры подготовки и регион их деятельности локализуется территорией Западной Беларуси.

Агентура польской национальности обучалась в разведывательно-диверсионных центрах в Барановичах, Бресте, Ганцевичах, Минске, Новогрудке, Пинске. В конце марта 1943 г. в Первомайской партизанской бригаде был пойман и разоблачен агент Эдмунд Юльянович Ш., направленный из Новогрудка со шпионскими задачами в соединения «лесных солдат», причем до этого он уже 7 раз выполнял аналогичные задания [24, л. 138–139]. В июне 1943 г. в одной из спецшкол г. Минска состоялся выпуск «в количестве до 300 человек, по национальности – евреи, цыгане, поляки – мужского и женского пола» [16, л. 119].

В июне 1944 г. помощник уполномоченного ЦК КП(б)Б и штаба партизанского движения по Барановичской области подполковник Донской сообщал в партизанские бригады области, что в «Пинске под видом ремесленных училищ № 311 и 314 работают разведывательные школы немцев... Левитовым подобрано 100 поляков для террористической и диверсионной работы в тылу Красной Армии» [19, л. 27–27об.]. Общая численность подготовленной польской агентуры приблизительно может составлять от 500 до 700 человек.

Малоизученным является вопрос привлечения к разведывательно-диверсионной работе агентов из лиц еврейской национальности. Лица еврейской национальности являлись наиболее уязвимой и бесправной частью населения периода оккупации. Целенаправленная политика нацистов по выявлению евреев, их локализация в гетто (на территории Беларуси действовало 168 гетто), ограбление и уничтожение в лагерях фактически привели к тому, что жизнь в условиях оккупации превратилась в ежедневную стратегию выживания. Это отлично понимали и сотрудники немецких спецслужб, ко-

торые использовали эти факторы при вербовке агентуры. В качестве условий сотрудничества предлагалось освобождение из гетто и сохранение жизни родным и близким. Например, при вербовке агентов Михаила Б.-П. и Фиры А. были поставлены условия: либо сотрудничество, либо немедленная отправка в концентрационный лагерь или расстрел [32, л. 30–39об.]. Для вербовки и принуждения к работе агента Хаима Л., который должен был внедриться в партизанский отряд Бельского, в заложники была взята его жена [38, с. 452–453].

Первые сведения о подготовке или разоблачении агентов-евреев, выявленные автором в архивных документах, относятся к лету-осени 1942 г. [26].

В январе 1943 г. чекистами партизанского отряда «Грозный» была разоблачена Роза Ефимовна Р. со своими сыновьями Леонидом и Владимиром. Они были направлены из Радошкович с разведывательным заданием [33, л. 233–234]. Впоследствии летом 1943 г. из Радошкович было направлено еще несколько агентов-евреев [23, л. 128]. Во второй половине 1943 г. партизанские соединения БССР получили установочные данные либо разоблачили агентов немецкой разведки М. Лазаря [12, л. 21], Ш. Еха [23, л. 146], Ф. Бориса [30, л. 147–147об], Л. Богдана (он же Зелик Лейбусович А., прошедший подготовку в разведшколе в Варшаве и заброшенный для шпионской работы в белорусские леса – К. С.) [31, л. 202–205], группу из 8 агентов-евреев [14, л. 11.], Ш. Шифра [23, л. 30], Анну Моисеевну Ф. [7, л. 131–131об.], а также группу агентов Крупского гестапо во главе с резидентом В. Евелем [2, с. 284–285].

Если говорить о стационарном обучении агентуры, то данные материалов Национального архива Республики Беларусь позволяют говорить о четырех центрах подготовки: в Барановичах, Борисове, Минске, Пинске.

10 июня 1943 г. одной из Минских школ было выпущено «150 человек евреев всех возрастов» [15, л. 125], а в разведывательной сводке БШПД от 30 июня 1943 г. сообщалось, что 26 июня из «гестапо г. Минска было выпущено более 100 евреев мужчин и женщин, которые были посланы в партизанские отряды с целью отравления командного состава. В Хозенцинской пуще были задержаны 5 женщин евреек с ядом, которые отравили колодец» [20, л. 172].

В октябре 1943 г. особым отделом партизанской бригады им. Ленина было установлено, что из Пинска в партизанские отряды было направлено свыше 100 агентов, в том числе и еврейской национальности [25, л. 238 об.].

Также в архивных документах есть сведения о привлечении к агентурной работе прибалтов, жителей Северного Кавказа и Средней Азии.

Подводя итоги, отметим следующее: во-первых, к шпионской работе привлекались представители различных национальностей – русские, украинцы, евреи, поляки, прибалты, фольксдойче и др. Основной контингент шпионов (до 70 %) вербовался из гражданского белорусского населения и белорусских военнопленных. Во-вторых, установить точные количественные данные подготовленных агентов по каждой национальности, за редким исключением, по объективным причинам не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверев, Ю. В.* Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности «Русской освободительной армии» на территории Беларуси (1941–1944 гг.) / Ю. В. Зверев // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты. – Минск : Белдзяржуніверсітэт, 1998. – 209 с. – С. 135–136.

2. *Иоффе, Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э. Г. Иоффе – Минск : Харвест, 2007. – 384 с.

3. *Литвин, А. М.* Кровь и пепел. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси в 1941–1944 годах / А. М. Литвин // Беларус. думка. – 2009. – № 4. – С. 95–101.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16851.

5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 151.

6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.

7. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 28.

8. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.

9. НАРБ. – Ф. 1399. Оп. 1. Д. 10.

10. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 339.

11. НАРБ. – Ф. 1402. Оп. 2. Д. 72.

12. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 62.

13. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 71.

14. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 139.

15. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1180. Л. 125.

16. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1808.

17. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979.

18. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 357.

19. НАРБ. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 92.

20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.

21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.

22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.

23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.

24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.

25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 64.

26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1419.

27. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.

28. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11. Д. 32.

29. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 3.

30. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 8.

31. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 12.

32. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.

33. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 148.

34. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 22. Д. 113.

35. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 22. Д. 114.

36. *Смирнов, Н.* «СМЕРШ против абвера» / Н. Смирнов // Армия. – 2000. – № 2. – С. 31–33.

37. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. – Симферополь : Н. Орианда, 2011.

38. *Татаренко, А.* Недозволенная память : Западная Беларусь в документах и фактах / А. Татаренко. – СПб. : Архив АТ, 2006. – 808 с.